

Матвей МАЗУРЕНКО

«ШЕСТЕРКА»

Р а с с к а з

В одном большом бизнес-центре, в офисе одной из многочисленных арендуемых в нем помещений контор работал менеджер. Менеджер нельзя сказать, чтобы очень замечательный: низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже подслеповат на вид, отчетливо лысел, несмотря на молодость, и цвет лица у него был, что называется, геморроидальный... Что ж делать! — виноват новосибирский климат. Что касается его занятия (ведь у нас прежде всего нужно объявить, чем ты занимаешься), то он был, что называется, офисный планктон: менеджер по продажам, один из тех, над кем, как известно, вдоволь подтрунивают и потешаются разные блогеры, юмористы из «Камеди Клаба», модные шоумены и прочие, имеющие обыкновение нападать на всех, кто не может кусаться. Фамилия менеджера была Сидоров, имя — Аркадий Аркадьевич. Никто не мог припомнить, когда и в какое время он поступил на работу в офис и кто его устроил или порекомендовал. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников отделов, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности — тем же менеджером по продажам. Видно, так он и родился на свет, уже совершенно готовым, в вечном сером пиджаке и заправленной в растянутые джинсы черной, в катышках, водолазке.

В офисе не оказывалось ему никакого уважения. Секретарши, когда он проходил мимо, даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь замначальника сектора прямо совал ему под нос файл — или, как говорят у нас в Новосибирске, мультифору, — не сказав даже «обзвоните» или тем более «пожалуйста». И наш менеджер брал бумагу, посмотрев только на ее назначение и не глядя, имел ли дающий ее соответствующие должностные полномочия. И тут же начинал «прозванивать» полученный список. Другие менеджеры подсмеивались над ним, насколько хватало офисного остроумия, рассказывали тут же, пред ним, разные составленные про него истории: про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, у которой он снимал комнату,

кажется, на Затулинке; говорили, что она его бьет, спрашивали, когда будет их свадьба... Но ни одного слова не отвечал на это Аркадий Аркадьевич, как будто бы никого перед ним не было; это не имело даже влияния на его занятия: он просто продолжал смотреть в экран старенького, допотопного компьютера, кажется еще Pentium 4, с посеребрившим от въевшейся офисной пыли защитным экраном на мониторе, поставленным на него уж с десяток лет тому назад. Только если уж слишком была невыносима шутка или если толкали его под руку, когда он мешал в кружке кофе «три в одном», он тихо произносил: «Отстаньте от меня, напрасно вы так...» И что-то странное звучало в словах и в голосе, каким они были произнесены. В них слышалось что-то такое подталкивающее на жалость, так что один молодой человек, недавно устроившийся в фирму после окончания нархоза, который позволил было себе по примеру других посмеяться над нашим героем, вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все перед ним переменялось и показалось в другом виде.

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: «он работал старательно» — нет, он работал с любовью! Там, в этом обзвоне клиентов, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на его лице. Некоторые телефонные номера у него были фавориты, особенно на межгороде, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в его лице, казалось, можно было прочесть всякую цифру, которую нажимали на большом сером офисном телефоне Panasonic его пальцы.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему совсем никакого внимания. Один начальник отдела, перед тем как уйти на повышение в головной офис в столицу, будучи добрым человеком, приказал поручить Аркадию Аркадьевичу что-нибудь поважнее, чем обыкновенный обзвон. Задание заключалось в том, чтобы составить отчет для Москвы в Excel с перечнем и задолженностями клиентов-физлиц в первом квартале с разбивкой по месяцам. Это задало нашему менеджеру такую работу, что он совершенно вспотел, долго тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я позвоню кому-нибудь». С тех пор оставили его навсегда обзванивать. Кроме этого, казалось, для него ничего не существовало.

Приходя домой, он садился тот же час за стол, закидывал в кастрюлю купленные в «Универсаме» пельмени и ел их с кетчупом и майонезом, вовсе не замечая их вкуса. Даже в те часы, когда совершенно потухает новосибирское серое небо и весь «офисный планктон» отуживал, кто как мог, сообразно получаемой зарплате и собственным прихотям; когда все уже отдохнуло после офисного гудения лазерных принтеров, мерзкого писка факсов и телефонных звонков, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный современный человек; когда менеджеры спешат предаться наслаждению в оставшееся время: кто

побойчее, несется в ночной клуб; кто — пройтись по улице Ленина и посидеть на «мажордочке» возле «Универсама», рассматривая снующие мимо мини-юбки; кто — на вечеринку тратить досуг на комплименты какой-нибудь смазливой секретарше или помощнице юриста, звезде небольшого офисного круга, а кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату-менеджеру на четвертый или третий этаж в общагу или в снятую на двоих квартиру в две небольшие комнаты с кухней и кое-какими модными претензиями: лампой или иной вещицей из «Икеи», стоившей многих жертв вроде отказов от обедов и развлечений, поиграть в «плейстейшен» или посмотреть футбол, попивая чешское полутемное, купленное по дороге в ближайшем магазинчике разливного пива с копеечными «кириешками», затягиваясь дымом из новомодных кальянов, рассказывая в рекламной паузе сплетню о новой знакомой из «Тиндера» или «ВКонтакте», от которых никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, — словом, даже в то время, когда весь офисный люд стремится расслабиться и отдохнуть, Аркадий Аркадьевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его в каком-нибудь клубе. Назвоившись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: кому-то бог пошлет позвонить завтра?

Так протекала мирная жизнь человека, который с двадцатью двумя тысячами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только обычных менеджеров, но даже начальников отделов и филиалов, директоров по развитию, даже и тех, которые не дают никому советов и ни от кого не берут их сами.

Есть в Новосибирске лютый враг всех, получающих в месяц на руки двадцать тысяч рублей зарплаты или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз. В восьмом часу утра, именно тогда, когда улицы заполняются идущими на работу, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки по всем носам без разбору, что бедные менеджеры решительно не знают, куда эти свои носы прятать. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слезы выступают на глазах, бедный офисный люд и вовсе бывает беззащитен. Единственное спасение состоит в том, чтобы ночью, в самый мороз, часов в пять, когда спать хочется сильнее всего, проснуться, встать с теплой постели, накинуть синтепоновый пуховичок, спуститься на улицу к стынущей под снегом во дворе машине и завести ее уже туго проворачивающийся двигатель с залитым в него дешевым, а потому загустевшим на холоде маслом. Еще минут пять-десять подождать, коченея спронею и дыша в шарф, сидя на твердом, скрипучем от тридцатиградусного мороза сиденье из дерматина, гордо именуемого «экокожа», и слушая визг замерзшего вентилятора, дующего холодным воздухом, пока наконец надсадно ревуший двигатель не скинет обороты с полутора тысяч до семисот или пока, как у Аркадия Аркадьевича в «шестерке», стрелка

температуры масла на черном круглом циферблате не тронется и не поползет к цифре «сорок»; и лишь тогда можно запикивать назад в панель приборов эбонитовую ручку подсоса воздуха в карбюратор и идти назад в остывшую кровать.

Однако последнее время Аркадий Аркадьевич начал чувствовать, что его «шестерка» заводится все хуже и хуже, а бывает, вообще не заводится, даже прогретая ночью, несмотря на то что летом он разорился и купил-таки новый дорогуший импортный аккумулятор. Он подумал, не содержится ли каких изъянов в ее двигателе, и, рассмотрев последний хорошенько, открыл, что подтекает масло: целая лужа масла оказывалась именно там во дворе, где стояла ночью его машина, в двух местах — под двигателем и где выхлопная труба упиралась в сугроб. Надобно знать, что «шестерка» Аркадия Аркадьевича тоже служила предметом насмешек коллег; от нее отнимали даже благородное имя «Жигули» и называли ее «Шаха». Увидевши, в чем дело, Аркадий Аркадьевич решил, что «шестерку» нужно будет везти к Михалычу, мастеру, держащему станцию техобслуживания в одном из боксов гаражей на Островского.

Так как заведено, чтобы в повести характер всякого лица был подробно означен, то нечего делать, подавайте нам и Михалыча сюда. Известен он был тем, что разбирался, в силу своего громадного опыта, во всех абсолютно автомобилях и любую поломку мог на звук диагностировать. Бывало, какая-нибудь Honda CR-V еще только свернула с Писарева на Островского и объезжает вечную лужу между гаражами, а Михалыч уже услышал ее и говорит вполголоса себе под нос: «“Сервант” едет. Левую гранату менять надо, шрусы хрустят».

Каждая машина имела в его лексиконе свое имя. Уже упомянутая Honda CR-V, как мы слышали, называлась «сервант», Honda Stepwgn уважительно величалась «Степаном», Nissan X-Trail был «хитрилой», Mazda 3 именовалась «матрешкой», а Toyota Mark II значилась «морковкой». Однажды безнадежно погнутую тягу от «ягуара» Михалыч выправил молотком и, прищурив один глаз, оценил ее кривизну на фоне голубого неба: «Идеально!» — а развал-схождение он обычно делал с помощью ниточек, натянутых между колесами.

Заходя в гараж, открыв тяжелую дверь и отогнув обледеневший брезентовый полог, защищающий внутренность бокса от морозного воздуха, Аркадий Аркадьевич мысленно положил не давать за ремонт больше пяти тысяч. Он увидел Михалыча в промасленном комбинезоне, копавшегося под капотом и ворчавшего вполголоса: «Не лезет, варварка! Уела ты меня, шельма этакая!» Аркадию Аркадьевичу было неприятно, что он пришел именно в ту минуту, когда мастер сердился: он любил что-либо чинить у Михалыча тогда, когда последний был уже несколько под куражом, или, как выражалась Михалычева жена, «осадился сивухой, одноглазый черт». В таком состоянии мастер обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, более того, даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходил его сын, плачась, что батя-де был пьян и потому

дешево взялся; на пару сотен прибавишь — и дело в шляпе. Теперь же Михалыч был в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламывать черт знает какие цены. Аркадий Аркадьевич смекнул это и хотел было, как говорится, пойти на попятный, но дело уж было начато.

«А я вот к тебе, Михалыч, того...» — «Что ж такое?» — «А я вот того, Михалыч... “шестерка” моя... движок-то... масло ест и течет... и не заводится, хоть и крутит аккумулятор. Может, свечи поменять? И подтянуть гайки где? Поди, работы немного...»

Когда «шестерку» загнали в бокс, Михалыч завел машину, открыл капот, достал из кармана акушерский стетоскоп, приложил одним концом его к уху, а широким раструбом прямо к блоку цилиндров. Слушал долго, засовывая голову прямо в двигатель, приставлял стетоскоп то туда, то сюда, просил Аркадия Аркадьевича то сильнее погазовать, то, наоборот, резко газ сбросить. Потом закрыл капот, покачал головой и полез в карман за сигаретами. Покурив, Михалыч опять открыл капот, опять покачал головой и наконец сказал: «Нет, нельзя починить. Компрессии совсем нет, движок капитальить надо, а лучше вообще посвежее машину брать вместо этой рухляди!»

У Аркадия Аркадьевича при этих словах екнуло сердце.

«Отчего же нельзя, Михалыч?» — сказал он почти умоляющим голосом ребенка. — «Ведь только всего маслице подъедает, залей раскоксовку, да и все...»

«Да раскоксовку-то можно залить, можно и кольца поменять, — сказал Михалыч, — да лучше не станет. Двигатель совсем гнилой, да и не только, начнешь разбирать, одно за другим ползет: кольца, поршни, маслосъемные колпачки, распредвал выработался, натяжители гремят, — ремонт дороже станет. Да и не только двигатель, ты вон на пороги посмотри — совсем гнилые! Кузов пальцем ткни — насквозь пройдет, и дальше дыра поползет, кузовщина вся худая». — «Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку». — «Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, машина-то битая, слой шпаклевки уж больно велик. Только кажется, что ровно, а подууй ветер или газу поддашь, так разлетится». — «Ну да уж прикрепи. Как же так...» — «Нет, — сказал Михалыч решительно, — ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж видно, вам придется “шестерку” поновее брать».

При слове «поновее» у Аркадия Аркадьевича затуманило в глазах, и все, что ни было в боксе, так и пошло пред ним пугаться.

«Как же поновее?» — сказал он, все еще как будто находясь во сне. — «Ведь у меня и денег на это нет».

«Да, поновее, — сказал с варварским спокойствием Михалыч. — Могу предложить, у меня как раз стоит на даче в гараже, в идеальном состоянии, у соседа по даче купил, из-под деда. Дед только ездил по воскресеньям в город на ней, следил как за ребенком малым, шприцевал, масло раз в три тысячи менял, пробег двадцать семь тысяч, родной;

а продал, как зрение совсем плохое стало. И то насилу уговорил его; хорошо, бабке денег на теплицу не хватало, она и настояла».

«А сколько будет стоить?»

«Да тысяч восемьдесят с лишком надо будет», — сказал Михалыч и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь совершенно озадачить и потом искоса поглядеть, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

«Восемьдесят тысяч рублей за “шестерку”!» — вскрикнул бедный Аркадий Аркадьевич; вскрикнул, может быть, в первый раз с рождения, так как отличался всегда тихим голосом.

«Михалыч, пожалуйста, — говорил он умоляюще, стараясь не слышать сказанных Михалычем слов и всех его эффектов, — как-нибудь отремонтируй, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила».

«Да нет, это выйдет и работу убивать, и деньги попусту тратить», — сказал Михалыч, и Аркадий Аркадьевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный. А Михалыч, по уходе его, долго еще стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, и не посрамил автослесарского искусства.

Вышедши на улицу, Аркадий Аркадьевич был как во сне и ехал к себе на Затулинку, не замечая даже порой светофоров, чего отродясь за ним не водилось. Этот туман держался у него в голове несколько дней, и, когда еще пару раз не завелась его «шестерка» возле офиса уже и в более теплую погоду, увидел Аркадий Аркадьевич, что без новой машины нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги ее приобрести? Конечно, можно бы отчасти надеяться на будущую премию, но эти деньги давно уж распланированы и распределены вперед. И если бы даже директор был так щедр, что вместо десяти тысяч рублей премиальных выплатил бы пятнадцать или даже восемнадцать, то все равно останется сущий вздор, который в «шестерочном» капитале будет каплей в море. Еще половину можно бы найти, может быть, даже немножко и больше... но где взять другую половину? Где взять другие сорок тысяч рублей?

Аркадий Аркадьевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, по крайней мере, хотя бы в продолжение нескольких месяцев: убрать употребление чаю по вечерам, не включать перед сном обогреватель; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скорее, чем следует, ботинки; как можно реже стирать белье, а чтобы не занасивалось, то всякий раз, приходя домой, снимать его и оставаться в одном только «адидасовском» трико, очень давнем, но и щадимом временем. Надо сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; он совершенно приучился голодать по вечерам, но зато он питался духовно, нося в мыслях своих идею будущей «шестерки». С этих пор как будто самое существование его сделалось

как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто иная, как та же новая «шестерка» на зимней резине, без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не поставить ли предпусковой подогреватель Webasto, который, как слышал он от коллег в курилке, ставят, чтобы не вставать ночью прогревать машину в мороз. Каждый месяц он хотя бы один раз навещался к Михалычу, чтобы поговорить о «шестерке», где лучше купить нового масла, и какой марки, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда все это понадобится и когда «шестерка» наконец будет куплена.

Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Вопреки всем самым смелым предсказаниям и мечтам, директор назначил премиальных Аркадию Аркадьевичу не десять или пятнадцать, а целых двадцать пять тысяч рублей; уж предчувствовал ли он, что Аркадию Аркадьевичу нужна новая машина, или само собой так случилось, но только у нашего менеджера очутилось лишних пятнадцать тысяч рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Еще месяц-другой небольшого голодания — и у Аркадия Аркадьевича набралось точно восемьдесят тысяч рублей. Сердце его, обычно весьма спокойное, начало учащенно биться.

Наконец этот день настал. Это было... трудно сказать, какого именно числа, но, несомненно, в день самый торжественнейший в жизни Аркадия Аркадьевича. Михалыч доставил наконец с дачи «шестерку». Он пригнал ее поутру, перед тем самым временем, как нужно было ехать на работу. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати «шестерка», потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться. Михалыч оформил генеральную доверенность, Аркадий Аркадьевич расплатился с ним, поблагодарил и выехал тут же в новой машине в офис. Михалыч вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на уезжающий автомобиль и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на «шестерку» с другой стороны, то есть прямо в лицо.

Между тем Аркадий Аркадьевич ехал в самом праздничном расположении духа. Он чувствовал радость всякий миг, когда крутил руль новой «шестерки», и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое — что хорошо. Дороги он не заметил вовсе, незаметно проскочил пробку на Коммунальном мосту и очутился вдруг в офисе; на парковке он поставил

машину, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор охраннику в будке у шлагбаума. Неизвестно, каким образом в офисе все вдруг узнали, что у Аркадия Аркадьевича новая «шестерка» и что старой уже более не существует. Все в ту же минуту выбежали на парковку смотреть новую машину Аркадия Аркадьевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что он сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно обмыть новую «шестерку» и что, по крайней мере, он должен отпраздновать с ними этот вечер, Аркадий Аркадьевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Наконец один из менеджеров, какой-то даже замдиректора, вероятно для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими, сказал: «Так и быть, я вместо Аркадия Аркадьевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на *пати*: я же, как нарочно, сегодня именинник». Все приняли с охотою предложение.

Этот весь день был для Аркадия Аркадьевича точно большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, припарковал бережно «шестерку» под окнами и еще много раз выглядывал со своего девятого этажа дома на улице Зорге и любовался ею. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не делал, а так, немножко повалялся в постели, пока не стемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, сел в новую машину и поехал. Где именно жил пригласивший всех замдиректора, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять. Верно, по крайней мере, то, что жил он в лучшей части города, на правом берегу, — стало быть, очень не далеко от Аркадия Аркадьевича. Сначала надо было Аркадию Аркадьевичу проехать кое-какие пустынные улицы со скудным освещением, затем по Петухова выехать на площадь Кирова и дальше еще долго ехать по Немировича — туда, через мост, в центр. По мере приближения к жилищу замдиректора улицы становились живее и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые в короткие пальто, мужчины попадались даже без шапок, реже встречались «газели» и «девятки» с надписью «Найтхантер» и черными шторками на стеклах; напротив, всё попадались лихачи на «форестерах» и с хромированными дисками и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, «двухсотые круизера» с меховыми накидками на сиденьях, с красивыми цифрами и буквами «ООМ» или «ННН» на номерах. Аркадий Аркадьевич глядел на все это как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенной витриной магазина МахМага посмотреть на постер, где изображена была какая-то красивая женщина, которая снимала с себя ботильон, обнаживши таким образом всю ногу, очень недурную; а за спиной ее выставил голову какой-то мужчина с красивыми тонкими усиками над губой. Аркадий Аркадьевич качнул головой, усмехнулся и двинулся дальше.

Наконец достиг он дома, в котором проживал помощник директора. Жил тот на широкую ногу: к нему поднимал отдельный лифт, квартира была самая верхняя в здании и занимала целых два последних этажа. Вошедши в коридор, Аркадий Аркадьевич увидел на полу целые ряды туфель. Между ними посреди комнаты стоял шоколадный фонтан, окруженный ягодами клубники, шума и испуская клубами пар. Видно, что все давно собрались и выпили уже не по первому бокалу шампанского. Нашего менеджера заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час на огромный балкон с французскими окнами и теплым полом и вновь стали смотреть вниз, на его новую, припаркованную во дворе машину. Аркадий Аркадьевич хотя отчасти и сконфузился, но, будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили его приобретение. Потом, разумеется, все бросили и его, и «шестерку» и обратились, как водится, к столам, где был фуршет и рядом жалась небольшая, специально приглашенная ради этого случая стайка юных, еще неловко чувствующих себя в такой компании моделей. Все это: шум, говор и толпа людей — было как-то чудно Аркадию Аркадьевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к столу и через некоторое время начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не отпустили. Через час подали ужин, состоявший из винегрета с соленой килькой, ростбифа, паштета в тарталетках, креветок на шпажках, пирожков и шампанского. Однако ж Аркадий Аркадьевич никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку и спустился в лифте на улицу.

На улице все еще было светло. Кое-какие мелкие киоски и пивнушки, эти бессменные клубы для всяких людей с окраин, приезжающих в центр, были открыты, другие же, которые уже закрылись, рисовали светящимися лазерами на притоптанном снегу свои названия, показывая этим, что они заперты не навсегда. Прямо по курсу светилась неоновая надпись «Иди на свет». Рядом был огромный грязный сугроб, и Аркадий Аркадьевич вспомнил, что когда-то, еще в советское время, тут располагалась кафе «Снежинка». Он ехал в веселом расположении духа и даже притормозил было вдруг, неизвестно почему, возле какой-то дамы, которая, как молния, прошла мимо; всякая часть ее тела была исполнена необыкновенного движения, и, перебежав на красный свет светофора, дама внезапно исчезла, нырнув куда-то вниз по подвальной лестнице. «Ухо и медведь», — прочел непонятную вывеску Аркадий Аркадьевич. Но, однако ж, взял себя в руки и поехал по-прежнему, сам дивясь неизвестно откуда взявшейся минуте назад прыти. Он миновал Дмитровский мост и очутился на левом берегу, и скоро потянулись перед ним пустынные улицы, которые даже и днем не очень веселы, а уж тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и безлюднее: фонари стали

мелькать реже — видно, отключает их Горсвет за полночь; пошли девятиэтажные панельные дома, бетонные заборы; нигде ни души; только белел снег по улицам да печально чернели закрытыми ставнями заснувшие ларьки. Наш герой приблизился к тому месту, где улица Зорге упиралась в конечную остановку общественного транспорта и площадь с едва видимыми за лесополосой на другой стороне металлическими гаражами, которые глядели страшною пустынею.

Вдали, бог знает где, мелькал огонек какой-то автостоянки, которая казалась расположенной на краю света. Веселость Аркадия Аркадьевича значительно уменьшилась. Он вышел из машины к единственному работавшему ларьку с шаурмой — купить сигарет. Вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: будто черное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», — подумал и шел, закрыв глаза, а когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним, почти перед носом, стоят какие-то люди в черных вязаных шапочках. У него затуманило в глазах и забилося в груди. «Слышь, дай закурить!» — сказал один из незнакомцев и положил руку ему на плечо. Аркадий Аркадьевич хотел было уже закричать, как другой приставил ему к самому рту кулак величиною с голову, примолвив: «Молчи, сука!» Аркадий Аркадьевич чувствовал только, как забрали у него ключи от машины, телефон, бумажник и дали ему пинка. А после услышал, как бандиты сели в «шестерку» и уехали. Он упал навзничь в снег и ничего уж больше не ощущал.

Через несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он почувствовал, что холодно, и увидел, что «шестерки» нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать прямо к будке автостоянки, возле которой стоял сторож и, опершись на лопату, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого черта бежит к нему издали и кричит человек. Аркадий Аркадьевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом просить, чтобы тот дал ему телефон позвонить в полицию. Сторож отвечал, что у него номер заблокирован, позвонить нельзя, что он не видал ничего, то есть видел, как остановили Аркадия Аркадьевича среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он, вместо того чтобы звонить, сходит завтра прямо в полицию, так вернее будет, и они отыщут, кто угнал «шестерку».

Аркадий Аркадьевич прибежал домой в совершенном беспорядке. Ключи от квартиры забрали вместе с барсеткой, и старуха, хозяйка его комнаты, услышав страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою ночнушку; но, отворив, отступила назад, узрев Аркадия Аркадьевича в таком виде. Когда же он рассказал, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к начальнику полиции, а

не только звонить, и сообщить об угоне, потому как никто рвения не выскажет и постараются спустить на тормозах, ведь машина только что куплена, документов нет на руках, номера старые. «И ОСАГО не успел оформить, тебя же еще и оштрафуют!» Выслушав такое решение, Аркадий Аркадьевич печальный побрел в свою комнату, и, как он провел там ночь, судить тому, кто может представить себя в этой ситуации.

Понутру рано...

Надо сказать, вдумчивый читатель уже наверняка понял, что же будет дальше и какие злоключения предстояли бедному Аркадию Аркадьевичу. Как отправился он в полицию, как ходил, якобы по знакомству, к значительному лицу, полковнику, замначальника ГИБДД на Станционную, как ушел оттуда несолоно хлебавши, погруженный в еще большую безнадежность и депрессию; как шел и шел по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по новосибирскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех арок и переулков. Вмиг надуло ему в горло пневмонию, и добрался он домой, будучи не в силах сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель. На другой же день у него обнаружилась сильная горячка. Благодаря бодрящему новосибирскому климату болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать; Аркадий Аркадьевич от безденежья лечился поначалу по-народному: травками, дышал над картошкой и кутался в два одеяла. Наконец решил он позвонить в двадцать вторую поликлинику на Зорге, но выяснилось, что полис у него просроченный, а за новым надо ехать в бухгалтерию, в офис, куда Аркадий Аркадьевич не ходил уже почти неделю, да и то готов документ будет не скоро. Звонившей по телефону хозяйке, которая, как назло, уехала в Карасук к школьной подружке, наш больной говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять, можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одного и того же — «шестерки».

Наконец бедный Аркадий Аркадьевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не печатавали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, и кому все это досталось, бог знает. Аркадия Аркадьевича свезли на Гусинобродское кладбище и похоронили. И Новосибирск остался без Аркадия Аркадьевича, как будто бы в нем его никогда и не было. Через несколько дней после его смерти послали к нему на квартиру соседа его по столу в офисе, проживающего в той же стороне, рядом, на Петухова, узнать, что да как, и с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует. Но курьер возвратился ни с чем и дал отчет, что Аркадий Аркадьевич не может больше прийти, а на вопрос «почему?» отвечивал: «Да он умер, четыре дня назад похоронили». Таким образом узнали в офисе о смерти Аркадия Аркадьевича, и на другой день уже на его месте сидел новый менеджер, пусть гораздо выше ростом, но делающий обзвон не так быстро, то и дело ошибаясь номером.